

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

«Что ты сверг меня в ад?»

Принцесса
Диана

Принцесса Диана
Принцесса Диана. Жизнь,
рассказанная ею самой
Серия «Уникальная
автобиография женщины-эпохи»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8332418

Принцесса Диана. Жизнь, рассказанная ею самой: Юза; Москва; 2014

ISBN 978-5-9955-0735-2

Аннотация

Ее обожал весь мир – и ненавидела собственная родня. По ней сходили с ума миллионы мужчин – а муж променял ее на старую любовницу, не блещущую красотой. За ее венчанием наблюдали более миллиарда телезрителей, ее «райской жизни» завидовали все женщины мира – но она в отчаянии спрашивала принца Чарльза: «За что ты вверг меня в ад?»

Эта книга – не просто автобиография, не дневник, не мемуары, даже не исповедь – это крик души самой желанной женщины в мире, у которой было все, кроме любви и женского счастья. Ведь обожание толпы и поклонение миллионов – еще не любовь...

Успела ли она узнать это чувство после разрыва с принцем Чарльзом? Был ли ее последний мужчина достоин руки

принцессы Дианы? О чем она сожалела больше всего, чего опасалась после развода, кому верила, кого подозревала, о чем думала в последние дни? Почему так отчаянно спешила жить – как будто не просто предчувствовала трагический финал, а знала наверняка?.. Казалось, нам уже не получить ответы на эти вопросы; казалось, леди Ди унесла свои тайны в могилу, если бы не эта сенсационная книга, проливающая свет на самые запретные страницы ее биографии.

Содержание

Ненужная...	6
Трагедия детства	9
Невеста принца	29
Супруга принца	60
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Принцесса Диана
Принцесса Диана. Жизнь,
рассказанная ею самой

Ненужная...

Я мешала всем и всегда, я была ненужной...

Только два человека в этом мире действительно любили и любят меня – Уильям и Гарри. И я люблю только их двоих.

Восторг и приветствия огромных толп, которые собираются посмотреть на меня, – это не любовь, вернее, любовь, но не ко мне самой. Люди любят созданный образ принцессы, которая была Золушкой, и не хотят замечать, что бывшая Золушка несчастна.

Из всего сонма окружающих меня родственников и знакомых меня любят только мои мальчики, причем именно меня, со всеми моими недостатками и достоинствами, просто за то, что я их мама. И я люблю их потому, что они мои сыновья, а не потому, что принцы.

Очень надеюсь, что у них будут жены, которые будут любить просто их, Уильяма и Гарри, а не принцев – наследников короны.

Я часто предчувствовала беду до того, как случилось что-то дурное, могла напророчить чью-то болезнь или даже гибель. Иногда этого побаивались.

Теперь я не чувствую, я ЗНАЮ. Бывает такое, когда нет никаких предпосылок, все почти спокойно, а ты точно знаешь, что сейчас, вот в следующую минуту, произойдет что-то страшное...

Так я знаю, что совсем скоро гибель. У моей машины откажут тормоза, и я получу смертельную травму. Если и вы-

живу, то больше не смогу быть действительно живой, потому что существование под аппаратами на медицинской кровати не для меня.

Чарльз часто спрашивал меня, чего мне не хватает? Действительно, чего мне не хватает для счастья? Постепенно размышления вылились в попытки осмыслить, как можно быть несчастной, имея все – двоих прекрасных сыновей, семью, причем королевскую, всеобщее восхищение, здоровье и весьма привлекательную внешность.

Трагедия детства

Наша семья была самой обыкновенной семьей, близкой к королевскому двору. Эту близость обеспечили принадлежность отца к роду Спенсеров и дружба бабушки Рут Фермой с королевой-матерью. Рут Фермой дружила со старшей Элизабет еще тогда, когда никто не предполагал, что та станет королевой, а потому никто не мог заподозрить мою бабушку в низкопоклонничестве.

Все Спенсеры своенравны, а все Фермои строптивы и властны. О моей маме Фрэнсис говорят, что, когда пристально смотрит своими синими глазами, кажется, будто она больше королева, чем сама королева. Да, из мамочки вышла бы куда лучшая супруга принца, чем я. Будь она на моем месте, Камилла отправилась бы куда-нибудь в Австралию или вообще на Южный полюс уже через пару дней, а не отравляла жизнь столько лет.

Хотя ее собственная мать, наша бабушка Рут Фермой, от неверности мужа претерпела немало. Бабушка была всегда уверена в правильности своих поступков и мысли не допускала о возможности ошибки. Мне бы ее уверенность! Брак бабушки по сути был кошмаром, но она женила на себе дедушку по расчету и жила, прекрасно зная о побочных связях и даже детях своего супруга.

Возможно, поэтому бабушка была крайне возмущена и

маминым, и моим поведением. Подумаешь, муж неверен и имеет многолетнюю любовницу! Разве это причина, чтобы страдать булимией, ревновать и тем более разводиться?! В конце концов, можешь поплакать в подушку, но так, чтобы даже горничная не догадалась, а уж за пределами собственной спальни об этом вообще никто ничего не должен знать!

Я сделала все наоборот – вынесла свои страдания на суд общественности, рассказав о неверности царственного супруга, и этим совершенно испортила отношения с бабушкой. Ничего другого ожидать было нельзя, потому что задолго до этого она также вычеркнула из своей жизни мою маму, свою обожаемую дочь Фрэнсис, когда та посмела уйти от мужа к любимому человеку.

Я тоже осуждала маму, сейчас мы с ней в ссоре по другому поводу, но осуждала за то, что она бросила меня. Бабушка же выступила против собственной дочери даже в суде, когда определяли, кто должен опекать детей. При этом бабушку меньше всего волновали чувства детей, для нее было главным, что Фрэнсис, для которой она устроила столь блестящий брак, посмела его разорвать!

Бабушка действительно устроила сначала роман между моими родителями, а потом и их свадьбу. Ей было неважно, что маме всего пятнадцать, что она еще школьница, что у папы тогда была другая, почти невеста. Она решила заполнить для дочери самого завидного к тому времени жениха – Джона Спенсера, который должен со временем стать вось-

мым графом Спенсером, она его заполучила.

Папа был влюблен в маму по-настоящему, несмотря на ее молодость и разницу в их возрасте в двенадцать лет. Когда маме исполнилось семнадцать, они наконец смогли пожениться. О... это была поистине королевская свадьба, конечно, не такая, как у меня, но бабушка всегда умела блеснуть.

Я больше похожа на маму моего отца леди Синтию, и внешне, и во многом характером. Леди Синтия была удивительно доброй и обожала заботиться о других, ее часто видели в семьях Нортгемптоншира с помощью и утешениями. Но она и слова не могла сказать против дедушки – графа Спенсера. Дедушку Джека боялись мы все, и папа тоже. Мама не очень, но жить в его огромном Элторпе с его 120 комнатами и суровыми условиями без нормального отопления не хотела. Мама говорила, что чувствует себя там так, словно нечаянно осталась в музее, который закрыли на выходной. Именно поэтому мы переехали к бабушке Рут Фермой в Парк-Хаус в королевском поместье в Сандрингэме. А сама бабушка окончательно переехала в Кларенс-Хаус к своей подруге – королеве-матери Элизабет. Их многолетняя дружба казалась нерушимой. Она таковой и была.

Сначала родители были счастливы, как могут быть счастливы молодые люди, у которых есть любовь, семья, родилась первая дочь и имелись средства на пусть и не королевское,

но вполне сносное существование.

Я иногда думала: неужели именно долгое отсутствие сына так испортило их отношения? Когда, будучи уже совсем взрослой, узнала, что отец заставлял маму пройти обследование, чтобы выяснить, может ли она вообще рожать сыновей, не сразу поверила. Но потом, когда мой Гарри родился совершенно рыжим (а он как две капли воды похож на мою сестру Сару) и Чарльз засомневался в своем отцовстве, я поверила, что такой поступок мужа возможен.

Мама родила Сару, нашу рыжую красавицу, крестной матерью которой стала сама королева-мать.

Потом родилась Джейн – умница и отличница, ее крестным отцом стал герцог Кентский.

Потом родился Джон, и это стало сначала радостью, но тут же горем. Джон умер почти сразу. Мама рассказывала, что была в ужасе, потому что ребенка унесли, а ее саму заперли и не выпускали, пока Джона не похоронили. Потом была неудачная беременность, а потом на свет появилась я.

Отец позже мог говорить все, что угодно, но в момент рождения я оказалась для него полнейшим разочарованием. Едва родившись, я была никому не нужна. Снова девочка! 1 июля 1961 года в семье Спенсеров не стало праздником, они даже не могли целую неделю выбрать мне имя, и никаких звездных крестных у меня не было тоже.

Вот тогда папа и заставил маму пройти обследование.

Через три года родился наш братик Чарльз, его крестной

была сама королева Елизавета II, но отношения родителей это уже не спасло. Мама, подарив роду наследника, видно, посчитала свою миссию выполненной, а себя свободной.

До развода родителей у нас было счастливое детство, огромный парк Сандрингэма, достаточно удобный Парк-Хаус, обожаемые родители, готовые делать для нас все, постоянные праздники... Даже няни были добрыми и веселыми, во всяком случае, мне так казалось. Я очень любила и маму, и папу. Разве можно было предположить, что они когда-то станут делить нас?!

Гром грянул среди ясного неба: мама влюбилась! У меня очень красивая мама, длинные ноги у меня от нее, только она рыжая, как Сара, и очень уверенная в себе. Сара в нее характером, но моя сестра тоже очень красивая.

Начались родительские скандалы. Папа при всех делал вид, что они хорошая семейная пара, а когда гостей не было, родители страшно кричали друг на друга, хлопали дверьми. Сара умней, она уходила в свою комнату и включала погромче музыку, а я, наоборот, подходила к самой двери их спальни и пыталась подслушать, что же не так.

Почему они ссорятся, ведь за день не случилось ничего страшного? В пять лет я не понимала, в чем именно родители обвиняли друг дружку, но где-то в голове это засело. Позже Чарльз удивлялся тому, что я устраивала скандалы с криком и хлопаньем дверьми. Для королевской семьи это было

немыслимо, там голоса не повышали, а я просто не представляла, что можно ссориться иначе!

Я страшно боялась, чтобы папа не ударил маму, потому, стоило им повыситься друг на друга голос, оказывалась тут как тут, но появляться на виду не решалась, просто стояла за дверью, постоянно ожидая чего-то страшного.

А потом они развелись совсем...

Мы виделись с мамой только по выходным, для этого нужно было проехать немалый путь с няней, потом видеть слезы мамы и слышать ее причитания, что завтра детей заберут обратно...

Эти воскресные встречи только озлобляли меня. Конечно, в свои шесть лет я ничего не понимала, кроме того, что мама нас бросила.

Сара была почти взрослой, ей исполнилось тринадцать, за ней тянулась отличница Джейн, они уже учились и чувствовали себя почти самостоятельными, залихватски рассказывали о выпивках и разных школьных проказах, вернее, рассказывала Сара, а Джейн только кивала. Казалось, развод родителей их почти не задел, они не желали ездить к маме в ее новый дом. Конечно, это только казалось, но старшие сестры хотя бы понимали, что именно происходило, а мы с братом нет.

Брат Чарльз был еще совсем мал, а я пыталась разобраться, но не понимала одного: как могла мама нас бросить?! Она уехала в Лондон, обещая вернуться, и не вернулась. Позже

я узнала, что маму не пустили в дом, когда она приезжала нас проведать, но тогда это было настоящим горем – мама нас бросила!

Сара фыркала, что я дура, потому что развела слезы, мол, нужно не плакать, а сделать свой выбор. Но я не могла делать выбор между мамой и папой.

Ну почему нужно выбирать между мамой и папой?! Я не хотела выбирать, я любила обоих одинаково сильно и хотела жить с обоими!

Они сначала разводятся и делят нас, словно столовое серебро, а потом требуют, чтобы мы были счастливы. Я не могла быть счастлива. Однажды к празднику они прислали мне каждый по платью – белое и зеленое, и я вместо того, чтобы радоваться, рыдала и даже не хотела никуда идти, потому что оба наряда были красивыми и мне нравились, но выбрать один означало отвергнуть другой, а я не хотела никого отвергать!

Разве можно в таких условиях не вырасти строптивой? Знаю, у многих родители развелись, но не у всех так тяжело и позорно, к тому же не всех заставляли жестоко выбирать и не всем потом приводили в дом таких мачех, какой была Рейн.

Однажды я умудрилась отказаться от чаепития... с королевой! Отцу прислали приглашение на чай в королевскую резиденцию в Сандрингэм, причем именно со мной. Что заставило меня вдруг заявить, что не пойду, не знаю сама.

– Нет, у меня болит голова!

– Дач?! Тебя королева каждый вечер приглашает попить чайку? К Ее Величеству и с мигренью можно пойти.

– Не пойду!

Ни переубедить, ни заставить отцу не удалось, он был вынужден отправить Ее Величеству извинения, объясняя отказ моей болезнью.

Потом я пожалела, но тогда главным было настоять на своем.

Сара о выходке отозвалась коротко:

– Дач просто дура!

Бабушка не просто заняла сторону отца, но и выступила против собственной дочери, осудив маму публично. Так мы получили еще один урок: положение при королевском дворе важнее даже любви к собственной дочери, ведь бабушка поступила так, прежде всего чтобы сохранить дружбу королевы-матери.

Если бы мама нас выкрала или хотя бы попыталась сделать это, я бы ее простила, но мама сразу после развода вышла замуж за своего любовника Питера Шенда Кида. Даже если это была горячая любовь, дети не виноваты.

Мы остались с папой и хорошо видели, как он изменился. Особенно это чувствовала я. Сара и Джейн были уже достаточно взрослыми и учились далеко, а мы с Чарльзом пока оставались рядом с папой. Он стал нелюдимым, грустным,

словно, уехав, мама забрала из него жизненные силы. Я не могла не пытаться утешить папу, мне так хотелось вернуться в те времена, когда в Парк-Хаусе устраивали счастливые праздники в дни рождения! О, наши праздники помнили в графстве, весь парк Сандрингэма превращался в настоящий детский рай!

Но все это закончилось... Иногда я думала, что и детство закончилось тогда же.

Мама со своим Питером уехали на остров Сейл на западе Шотландии. Конечно, ни мы туда, ни мама оттуда ездить каждые выходные не могли.

Мне было восемь, когда мы остались только с отцом, няни не в счет, с ними я воевала так, словно это они виноваты в уходе мамы. Мы Спенсеры, но как же нам было одиноко! Конечно, папа отвозил нас с Чарльзом в школу и забирал обратно, он старался зайти в детскую, чтобы пожелать спокойной ночи, интересовался нашими делами, но папа – это не мама. Ели мы всегда только в детской с няней, беседы вели с ней или друг с другом... Чарльз, видно, чувствовал одиночество еще сильнее меня, а потому часто плакал и всегда жался ко мне, словно ища защиты. Я заботилась о нем как могла, ведь Чарльз не получил даже той любви мамы и папы, которая досталась нам, он был слишком мал, чтобы что-то понимать, когда они разводились.

Нянь я просто выживала. Все говорили, что я упрямая,

строптивая, иногда просто невыносима. Они ничего не понимали! Чаще всего я упрямылась не из-за того, что была действительно упряма, а потому, что меня не замечали!

Да, да, и пусть говорят что угодно. Потом порасскажут, что это не так, что я была у отца любимица и он многое готов сделать для меня... Да, назло всем я сказала, что хочу на день рождения живого верблюда, и когда праздновали мой седьмой день рождения, отец раздобыл настоящего верблюда. Ох и посмеялись мы тогда! Но все равно, верблюд – это признак родительской любви? Нет, я была им не нужна!

Лучше бы они сохранили семью, чем приводили верблюдов.

Мне всегда нравилось танцевать, ах, как мне это нравилось! Так хотелось выйти на сцену в роли Одетты-Одиллии в «Лебедином озере». Обожаю Чайковского, особенно этот балет. Я даже выучила его переложение на клавиш и с удовольствием играла перед домашними.

Но какая из меня балерина? Я высокая, толстая и ленивая... Возможно, не будь я такой неуклюжей пышкой в детстве, займись серьезно балетом, во мне бы воспитали упорство, трудолюбие, уверенность... Но этого не случилось, танцы танцами, а в балет не взяли совсем.

А еще я любила плавание и прыжки в воду. Вода – это чудесно, в воде я чувствовала себя уверенно, в плавание нужна сила и стремление вперед, чего у меня вполне хватало. В

воде я ловкая, легкая, не то что на суше, где нужно следить за осанкой, за тем, чтобы не косолапить или не загребать ногами.

Постепенно я научилась быть красивой и на суше, но вот сутулость осталась. Нелегко не сутулиться, если все вокруг хоть немного, но ниже тебя, высокий рост хорош, когда ты среди высоких людей.

Куда хуже обстояли дела со всякой зубрежкой, а вернее, экзаменами. Я совершенно не понимала, зачем мне все это знать. А если мне неинтересно или я не понимаю, зачем это нужно, могу зубрить сколько угодно, никакого толка не будет, все равно к экзамену все вылетит из головы. Я не понимала и того, почему все переживают из-за несданного предмета. Не сдала? Ну и что, разве я от этого стала хуже или просто другой?

После экзамена я могла спокойно рассказать все то, что была не в состоянии ответить перед преподавателями. Мне просто не казалось это важным. Сара сдала шесть экзаменов, а наша отличница Джейн и вовсе одиннадцать, я ни одного даже после второй попытки. И это им пригодилось? Ничуть. Все, что нужно узнать, они узнали сами. И я так же.

Если мне было интересно или действительно нужно, я легко выучивала большие тексты за короткий срок. Это не касается речей, так и не научилась подолгу и легко их произносить, больше чем на десяток минут меня никогда не хватало. Но стоило уйти с трибуны, и я могла разговаривать с

людьми на любые темы.

Когда мы отправлялись в новую страну, я, которая ничего не знала из географии или истории (в этом не вина преподавателей, они старались вложить нужные знания), спокойно прочитывала большой текст и легко его запоминала. Но стоило закончиться визиту, как этот же текст легко исчезал из моей памяти, словно влажной губкой стирали написанное на доске. Так уж устроена моя память, она цепкая и крепкая, но недолгая и не желает подчиняться правилам. Чарльза временами это приводило в ужас или в ярость.

Мне было четырнадцать, когда положение нашей семьи вдруг изменилось: отец стал восьмым графом Спенсером, а мы соответственно леди Сара, леди Джейн и леди Диана. Я – леди Диана Спенсер!

И наш родовой замок – огромный Элторп. Конечно, в нем оказалось не все так здорово, то есть было помпезно и страшно неудобно, но ведь это родовое поместье. Я ходила по залам, приседала в реверансе перед каждой картиной, важно поворачивала голову налево и направо, милостиво кивала, словно разрешая что-то своим пажам...

Какая девочка не мечтает стать принцессой в таком возрасте? Хотя, думаю, Сара не мечтала, она всегда знала, чего хочет, и смотрела на меня свысока.

Но тогда у нас еще был отец, хотя няни менялись то и дело. Просто они были противные, я воевала с этими тетка-

ми и одну за другой выживала из Элторпа. Зачем нам няни? Может, маленькому Чарльзу и были нужны, но не мне же! В школе мне постоянно указывали, что делать, и на каникулах чужая тетка тоже норовила заставить поступать по-своему.

На меня глядя, капризничал и Чарльз. Одна из нянь хватала нас с братом за шиворот и... била лбами друг о дружку! Но я тоже расправлялась с ними: закрывала в ванной, выкидывала в окно их вещи... Нам не нужны няни, нам нужна мама.

Лучше бы я этого не говорила! Я понимаю, что не мои слова повлияли на отца, он принял решение сам.

Мы только освоились в Элторпе, когда отец решил жениться. Это было просто невыносимо. У нас будет мачеха?! Хотелось крикнуть:

– Нет!

И все же я бы промолчала, если бы не Сара. Старшая сестра была уверена в себе, к тому же ей уже исполнился двадцать один год и она жила собственной взрослой жизнью. Она с первых минут знакомства дала понять будущей мачехе, что терпеть ее не может.

Самое удивительное – нашей мачехой оказалась Рейн Легги, дочь моей обожаемой писательницы Барбары Картленд. Насколько я любила романы Картленд, настолько же ненавидела ее дочь. Мы ненавидели Рейн потому, что она хотела отобрать у нас папу!

Мало того, эта дама попыталась сразу продемонстрировать свое особое положение, она настолько по-хозяйски вела себя с нами, что Сара не выдержала и нагрубила. Я поддержала.

Нас можно понять, Саре был двадцать второй год, мне пятнадцатый, а нам как детям предлагали миндальный торт с обещанием дать еще кусок тому, кто съест больше. Как она это представляла: мы должны, как на глупых соревнованиях, влезть с головами в тарелки, поглощая свои куски в сумасшедшем темпе? А потом с восторженными вымазанными физиономиями требовать еще кусок? Глупее ничего не придумать! Конечно, мы не стали соревноваться. Если я захочу миндальный торт, я просто попрошу мне его испечь или купить.

Сара нагрубила, я поддержала, в результате за столом остались только папа, наш смущенный брат Чарльз и эта дама. Я вдруг поняла, что она просто отберет у нас папу. Саре, может, это не столь важно, как и Джейн с Чарльзом, а для меня очень серьезно. Я папина дочка, но теперь он принадлежал не мне, а ей. Могла ли я любить эту даму?

Позже стало еще хуже, потому что в июле 1976 года, ни слова не сказав нам, отец женился на этой мегере! И узнали мы об этом... из газет! Мало того, в нашем семейном замке в Элторпе состоялся бал на тысячу приглашенных. Знаете, кого не было на этом балу? Детей графа Спенсера – Сары, Джейн, Дианы и Чарльза! Кто мы такие, чтобы нас звать на

такое важное мероприятие?

Я знаю, что Сара заявила журналистам, мол, там не было ничего важного, чтобы нас приглашать. Но я знаю и то, как была возмущена, шокирована сестра. Я вообще проревела целый день. Отец женился, не просто не спросив нас, нравится ли нам эта мегера в качестве мачехи, но и вообще не поставив в известность, даже не пригласив на свадьбу! Интересно, чего они ожидали в ответ? Ответом могла быть только ненависть! Разве можно любить ту, которая подлю забрала у тебя любимого отца, так пренебрежительно отнеслась к тебе, словно ты вещь в кладовой, которую можно задвинуть подальше и забыть.

Рейн ненавидели мы все. А отцу я даже дала пощечину!

Мало того, эта мерзавка начала хозяйничать у нас в Элторпе, словно у себя на кухне, она принялась распродавать фамильные вещи Спенсеров, будто это было ее старое барахло. Даже сейчас, через много лет, меня трясет при воспоминании, что эта мерзавка натворила с Элторпом!

Конечно, она спасла отцу жизнь, когда у того случилось сначала обширное кровоизлияние в мозг, а потом синегнойная инфекция. Но это все потому, что понимала, что с ней будет, если муж умрет. Тогда отец выжил, однако эта мерзавка с первых лет полностью оградила его от нас. У нас не было матери, потому что мама предпочла другого мужчину отцу и других детей собственным (у ее второго супруга было трое детей), теперь у нас не было и отца, который тоже пред-

почел чужих троих детей этой Рейн своим собственным. У нас никого не было! Могли ли мы любить эту женщину? Ничуть, мы ее ненавидели!

Даже сейчас, когда мои с ней отношения стали куда более спокойными и мы даже нашли общий язык, стоит вспомнить первые годы – обиды из-за свадьбы, отчуждения отца, наглого хозяйничанья в Элторпе и разбазаривания фамильных ценностей – и меня захлестывает даже не обида, а ненависть! Очень трудно простить, когда у тебя отнимают любимого отца и унижают на каждом шагу. Я стала мудрее, но внутри все равно сидит эта всепоглощающая обида, которая никогда не закончится, боль, которая никогда не утихнет.

Мой брат Чарльз все время молчал, но оказалось, что он переживал не меньше, во всяком случае, сразу после смерти отца, став девятым графом Спенсером, он буквально вышвырнул мачеху из Элторпа! Я с удовольствием помогала. Мы запретили ей выносить любую вещь, если она не куплена лично ею, а все ее личные вещи засунули в мешки для мусора и выкинули вниз с лестницы. Я лично проследила, чтобы в нашем семейном замке не осталось никаких следов пребывания этой женщины и ее мерзких отпрысков. Когда через несколько месяцев в каком-то углу обнаружилась книга, забытая кем-то из ее детей, я буквально растерзала несчастный предмет, чтобы сжечь его в камине!

Такой ненависти, как к ней, я не испытывала ни к кому, даже к Камилле. Эта женщина отняла у меня отца тогда, ко-

гда он был мне больше всего нужен, она отняла у меня понятие дома, потому что считать домом Элторп, где хозяйничала эта тетка, я не могла. В результате в пятнадцать лет у меня не было ничего – ни семьи, ни дома, ни любви родных...

До учебы ли мне было и могла ли я быть послушной и хорошей девочкой? Они сначала ломают судьбы детям, а потом удивляются, что те растут строптивыми и нервными.

В моих резких сменах настроения, приступах булимии и неспособности к усидчивой учебе виноваты мои родители и эта женщина! В шесть лет почувствовать себя брошенной матерью, в пятнадцать преданной отцом и затем выкинутой из дома чужой женщиной и остаться спокойной и уравновешенной едва ли возможно.

Булимия – ужасная вещь. Сейчас уже не секрет, что я ею страдала. Это когда вас мучает неудержимый голод и вы за один прием поглощаете столько, сколько в обычном состоянии могли бы съесть за неделю, а потом организм отторгает все поглощенное. Булимия – болезнь не желудка, а нервов, у тех, кто живет спокойно и уверен в себе, такого не бывает. Это болезнь ненужности, переживаний, заброшенности. И пусть вокруг меня крутилось множество людей, пусть я никогда не бывала одна – сначала девочки в школе, потом слуги, камеры видеонаблюдения, фотокорреспонденты, охрана, – все равно это было одиночество, я понимала, что никому не нужна! И никто, никто не станет страдать, если я

вдруг умру!

Наверное, у всех детей бывают такие моменты, мои подружки тоже обливали слезами подушки, если родители не приезжали подолгу или забывали их поздравить с каким-то праздником, но если такое отчаянье надолго, оно становится болезненным. А потом перерастает в сильнейшую потребность, чтобы тебя любили и постоянно говорили об этом.

В такой потребности, наверное, одна из причин нашего с Чарльзом непонимания. Если бы муж хоть раз в день говорил мне, что он меня любит, а не отделялся даже нарочно выбранными подарками по какому-то поводу, если бы мы говорили об этом в королевской семье, я бы просто расцвела. Но в королевской семье просто не принято выражать чувства, тем более без особой надобности.

Особенно трудно, если мама вас бросила, ты была папиной дочкой, а папа женился, даже не поставив тебя в известность! Разве можно простить такую узурпаторшу?

Нашу мачеху называли Леди, Которая Умеет Добиваться Своего. Она действительно умела, вопреки воспитанию, вопреки немыслимому давлению своей матери Барбары Картленд, вопреки всему. Ее девиз: «Совершать невозможное!» Она не только умела добиваться, чего хотела, прежде всего она знала, чего хочет! И потому совершенно не могла понять меня, считая размазней.

Сейчас я думаю, что если бы она тогда нашла со мной общий язык либо я не поддавалась бы давлению Сары и не ста-

ла воевать с мачехой, я выросла бы совсем другой, и многих проблем моей жизни удалось бы избежать. Рейн умела очаровывать тех, кого желала очаровать, умела найти подход, найти точки соприкосновения. Например, Рейн просто влюбилась в себя нашего дедушку – старого графа Спенсера, возила ему шоколад, разыскивала для коллекции уникальные трости... Но главное – она искренне интересовалась историей Элторпа.

Я не могла допустить и мысли о том, что когда-либо помирюсь с Рейн! Мы столько лет почти враждовали... Что же произошло? Однажды Мохаммед Аль-Файед, который был дружен с моим отцом, обратил мое внимание, что за все время только Рейн не наговорила журналистам обо мне ничего дурного, а ведь могла бы... Конечно, я посмеялась:

– Просто ее не спрашивали!

– Не думаю. Просто она не желает зла ни тебе, ни отцу. И твоего отца искренне любила, даже если от этого вам было плохо. Но ведь не Рейн развела ваших родителей...

Конечно, я не сразу приняла слова Мохаммеда, не хватало еще мне восхищаться Рейн или благодарить ее за приличное поведение! Пусть она не разводила маму с папой, но самого папу она у меня отняла!

А потом Аль-Файед все же сделал так, чтобы мы встретились.

И при упоминании о папе я увидела в глазах у Рейн насто-

ящие слезы. Когда он перенес инфаркт, а потом синегнойную инфекцию, именно Рейн сумела добиться, чтобы применили лекарство, еще не прошедшее испытания. Другого шанса не было, и она сумела заставить использовать единственный.

Папа выжил и даже смог отвести меня к алтарю, но мачеха не услышала от нас и слова благодарности. Тогда мы с Сарой были убеждены, кажется, даже в том, что саму синегнойную инфекцию папе подсунула Рейн!

Теперь, подумав, я поняла, что Рейн действительно не воспользовалась возможностью заработать на воспоминаниях о моем детстве, а ведь могла бы наговорить репортерам уйму всяких гадостей о моем поведении.

А вот я, рассказывая Мортону о нашей семье, наговорила о Рейн немало гадостей. В общем-то было за что, Элторп она испортила основательно и основательно же разбазарила. Но Рейн в ответ не сказала обо мне никому и ничего.

Мне бы поучиться у нее тогда, в Элторпе, но я ее ненавидела. Все мы, дети Джона Спенсера, Рейн ненавидели.

Человек меняется, возможно, я когда-нибудь стану мудрее и на многое и многих посмотрю иначе, но для этого должно пройти время. Понять значит наполовину простить. Я уже смогла понять Рейн, неужели я когда-нибудь смогу понять и Камиллу? Ну уж нет! НИКОГДА!

Невеста принца

Сара встречалась с принцем Чарльзом. Ах, как же я завидовала сестре!

Старшая сестра всегда отличалась завидной самоуверенностью, способностью схватывать нужное на лету и поддерживать разговор о чем угодно. Она лучше нас с Джейн и Чарльзом сознавала, что такое Спенсеры, и умела пользоваться именем. У Сары был роман с Джеральдом Гросвенором, пожалуй, самым богатым наследником, который ее почему-то вдруг бросил. Сара считала, что из-за женитьбы отца на Рейн, что не добавляло ей любви к Рейн.

Сара очень переживала, у нее даже начались проблемы с едой. Только если я позже ела все подряд и в огромных количествах, то сестра, наоборот, перестала есть совсем и стала тощей как спичка.

Не знаю, что с ней было бы, не появись принц Чарльз. О... это было совершенно немыслимо, Сара снова на высоте! Рассталась с самым богатым наследником Англии, зато получила самого завидного. Чарльз умный, спортивный, вежливый, сдержанный, но главное – он принц! Никакие Гросвеноры не могли годиться ему в подметки уже из-за одного этого. У Сары всегда и все было лучше всех, она молодец.

Кому я все это пишу? Сама себе рассказываю о себе? Я

научена печальным опытом общения с прессой и с Мортонем, когда сказанное вдруг выглядит совсем не так, как написанное. А написанное на листе бумаги, в книге вдруг приобретает совершенно иной смысл.

Кому? Уильяму и Гарри я могу рассказать сама, да они многое и так знают.

Внукам! Да, когда-то и у моих мальчиков будут дети, а значит, у меня – внуки. Я постаралась, чтобы жизнь моих детей не была похожа на мою собственную и чтобы при разводе, раз уж он неизбежен, они пострадали как можно меньше. Постараюсь внушить им свои мысли и о воспитании их собственных детей. Наступит момент, когда я смогу дать наставления невесткам или вообще внучкам, и, клянусь, я ни за что не стану подталкивать их к браку, напротив, честно расскажу обо всех своих ошибках. Или отдам почитать вот эти записи.

Интересно посмотреть лет через двадцать пять – тридцать на то, что пишется сейчас, наверняка многое будет видаться иначе, ведь иначе выглядит многое, что произошло всего десять лет назад... Опыт бесценен не только тем, что благодаря ему мы узнаем что-то новое, но и тем, что заставляет пересмотреть свое прошлое. Если бы это еще и ограждало от ошибок будущего!

Сейчас смешно думать о внуках, я считаю себя способной еще рожать детей и надеюсь на это. Но время летит так быстро, этого не замечаешь, когда тебе пять или пятнадцать, а вот

когда взрослеешь... Бабушка говорила, что с годами время летит все быстрее. Поэтому надо поторопиться.

Первая встреча с Чарльзом лично у меня состоялась благодаря сестре. В Ноуботтлском лесу возле Элторпа состоялась охота на лис. Одним из приглашенных был принц Чарльз как приятель Сары. Узнав об этом, я сделала все, чтобы отпроситься из школы и тоже присутствовать в это время в Элторпе. Если бы меня не отпустили, я бы все равно сбежала. Сидеть в школе, когда в нашем имении принц?! Нет, это невозможно.

Принц был таким грустным... Может, мне, конечно, показалось, потому что потом Чарльз не помнил своей грусти. А может, ему было просто скучно рядом с моей сестрой? Наверняка. Иначе он не попросил бы меня показать ему картинную галерею Элторпа. Сара разозлилась и почти не дала нам ничего посмотреть. Это даже хорошо, потому что я не сумела бы ничего путного рассказать об изображенных персонажах, во-первых, потому, что слишком волновалась, во-вторых, потому, что просто почти ничего не знала. Но Сара хороша: она просто вешалась на шею Чарльзу, и этим только оттолкнула его. Наверное, я привлекла принца своей молодостью рядом с сестрой.

Время пролетело так быстро, буквально промелькнуло. В школу я вернулась на крыльях, рассказывая всем и каждой, что познакомилась с принцем! Но тут подоспели экзамены, до них ли мне было, если в голове царил принц Чарльз,

и только он. Боясь на любой вопрос ответить именно так: «Принц Чарльз!», я вообще молчала и благополучно провалила все до единого экзамена. Какая ерунда эти экзамены, я не придавала им никакого значения.

В апреле следующего года наша Джейн вышла замуж за Роберта Феллоуза. Роберт, конечно, хороший человек, он симпатичный парень, но мои мозги были заняты только одним человеком на свете – принцем Чарльзом. Это своего рода помешательство определило и мое поведение, я всем только улыбалась, но от молодых людей почти шарахалась, потому что берегла себя для принца.

Уверенности в своем блестящем будущем непременно с принцем мне добавляло то, что шли месяцы, а наследник престола жениться не торопился. Внутри приятно млела мысль, что он просто ждет меня. В романах Барбары Картленд так и бывало.

Я обожала романы Барбары Картленд! Мне очень нравились ее героини – застенчивые, обаятельные, не обладавшие напористым характером, но все обязательно замечали их неповторимость и душевные качества. Особенно это касалось прекрасных принцев, которые с первого взгляда понимали, что смущенно улыбающаяся девушка лучшее, что они могут встретить в жизни.

Я даже научилась улыбаться так же – чуть склонив голову к плечу, немного опустив ее, чтобы взгляд слегка испод-

любя получался более загадочным. Смущалась я по-настоящему, в этом не было игры. Но оценивать меня почему-то не спешили, и прекрасные принцы тоже. Но я твердо верила, что оценят!

У Роберта Феллоуза имелось одно неоспоримое преимущество перед всеми остальными молодыми людьми – он был помощником личного секретаря королевы. Я была одной из трех подружек невесты и умудрилась попасть на глаза королеве-матери, когда подошла к своей бабушке леди Фермой, которая была ее придворной дамой и подругой. Королева-мать внимательно оглядела меня, поинтересовалась, сколько мне лет, почему-то благосклонно кивнула, услышав, что скоро семнадцать, и попросила позвать отца.

Папа не рассказывал мне, о чем они говорили, но подозреваю, что две бабушки уже прикидывали возможность нашего более близкого знакомства с принцем Чарльзом.

Во всяком случае, на бал по поводу тридцатилетия принца меня пригласили, как и Сару. Мою сестру это вовсе не обрадовало, зато я готова была порхать от счастья.

Принц был великолепен, он танцевал всю ночь, причем не только и даже не столько с Сарой. Я тоже танцевала, и немало, но ни разу с принцем, он меня не замечал! Потом, стоя наверху в картинной галерее, я наблюдала за Чарльзом. Он веселился и без меня, кружа то одну, то другую партнершу. Чаще всего это была веселая блондинка, не стеснявшаяся откровенно хохотать. Помню, тогда еще подумала: вот бы

мне так! Как она может столь непринужденно держаться в обществе принца, я просто язык проглотила бы...

В такой момент я вдруг заметила свою сестру, пристально наблюдающую за этой парой. Сара вовсе не выглядела довольной излишним вниманием принца Чарльза к этой раскованной блондинке. Я не знала, что передо мной будущая соперница Камилла, тогда еще Шенд, которая позже стала Паркер-Боулз, многолетняя любовница Чарльза. Да, тогда они жили вместе уже лет восемь... Хороший стаж, чтобы либо жениться, либо прикипеть друг к другу навсегда.

Когда после бала я попыталась спросить у сестры, кто эта девушка, та лишь огрызнулась:

– А еще хотели, чтобы я вышла за него замуж!

К тому времени отношения Сары и Чарльза уже ни к чему их не обязывали, моя сестра умудрилась расстроить саму возможность брака с принцем, неосторожно выболтав всякую всячину журналистам. В порыве откровенности она наговорила лишнее и о себе, и об отношениях с Чарльзом, после чего продолжение отношений стало просто невыносимым. Конечно, Сара не винила в этом себя, зато обвиняла любовницу принца.

Сара не рассказывала мне, что даже тогда, когда их отношения считались весьма перспективными, то есть мою сестру воспринимали самой серьезной претенденткой на сердце и звание супруги Чарльза, тот не ставил ее ни в грош. Принц

мог на вечеринку прийти с одной красавицей, а уйти с другой. Так однажды он поступил и с Сарой, пригласив ее на вечеринку и протанцевав весь вечер с какой-то колумбийской, а потом взялся отвезти ее в Лондон, не смущаясь тем, что вообще-то приехал с Сарой и именно ее должен доставить обратно. Саре пришлось скрипеть зубами от злости, пока они подвозили новую пассию Чарльза, при этом принц даже не нашел нужным поинтересоваться, согласна ли Сара совершить такой «круг почета» из-за его желания услужить колумбийке.

Принц бывал не слишком вежлив со всеми своими подругами: когда у тебя их много, к чему обращать внимание на переживания очередной?

На меня Чарльз не обратил никакого внимания, думаю, что не обратил бы и дальше, если бы его не заставили.

Любимый дядюшка принца лорд Маунтбэттен, научивший Чарльза многому, чему вовсе не следовало бы учить, старательно подталкивал племянника к женитьбе на своей внучке Аманде Нэтчбулл. Все сходило на том, что принц должен жениться на красавице Аманде. Никто не ожидал, что девушка откажет. Помню, Сара фыркнула:

– Правильно сделала!

Я не могла понять почему?!

– Да у него многолетняя любовница!

Я все равно не понимала: любовница до свадьбы, а когда

женится, принесет клятву у алтаря, все закончится.

Сара посмеялась над моей наивностью, но, думаю, ей и в голову не пришло, что когда-нибудь принц Чарльз может сделать предложение мне, ведь я была самой незаметной, самой глупой, самой никчемной. Таких не выбирают в будущие королевы!

Наверное, если бы Сара ожидала такого поворота событий, она бы поговорила со мной серьезней. Но меня никто не воспринимал всерьез, кажется, даже сам Чарльз. Кем я была для него? Только удобной девушкой для выполнения долга перед Британией. При чем здесь его личные чувства и прежние привязанности?

Чарльзу на меня указала его бабушка, королева-мать. А ей наверняка помогла моя бабушка, бывшая у королевы-матери фрейлиной и задушевной подругой. Две бабушки постарались, чтобы я получала приглашения всюду, где только бывал принц Чарльз. Похвальное старание, тем более оно привело-таки к тому, что принц меня заметил.

Представьте себе состояние девушки, не имевшей даже парня для романтических встреч в надежде, что таковым обязательно станет именно принц, которая этого принца, причем настоящего, сына королевы Великобритании, встретила. И принц ею заинтересовался!

Сказать, что я была потрясена, значит ничего не сказать! Принц Чарльз разглядел во мне ту самую принцессу, какой

я себя всегда представляла!

Боже, ради него я готова была на все! Позже оказалось, что я не готова к его изменам, но это было позже, а тогда... Можно поставить тысячу, миллион восклицательных знаков, описывая мое состояние.

От постоянных обмороков меня спасало только то, что я не вполне верила в реальность происходящего.

Я много лет твердила всем, что я особенная, что выйду замуж за принца (подружки даже смеялись, выбирая мне принцев из самых крошечных и малоизвестных стран). И вдруг получила в будущее мужа самого-самого главного принца в мире! Британская монархия самая сильная, а Чарльз самый завидный принц на свете. И вдруг это сватовство достается мне!

Конечно, до сватовства было еще далековато, но если уж я попала в поле зрения принца и он меня заметил, то как не поверить в собственную мечту стать женой принца? Чарльзу немало лет, и он не женат, хотя вокруг столько уверенных в себе красавиц. Это могло означать только одно: он тоже чувствовал предопределенность нашей встречи и потому не разменивался. Он не мог не чувствовать, что где-то есть будущая принцесса для него, что мы обязательно встретимся и обязательно полюбим друг друга!

Казалось, что достаточно просто встретиться – и все решится само собой.

Я, наивная дурочка, полагала, что Чарльз, хорошенько ме-

ня разглядев, влюбился. Или по крайней мере откликнулся на мое чувство.

А меня просто выбирали, как очередную лошадь для конюшни!

«Лошадка» подходила – была крепка, здорова, родовита и, что очень важно, девственна. Это надо умудриться – сохранить девственность почти до двадцати лет! Никому не приходило в голову, что я всерьез собиралась замуж за принца. Заручившись при помощи бабушки – леди Фермой, что взбрыкивания вроде Сариного не будет, решили действовать.

Экзамен на знания устраивать не стали: кому нужна умная принцесса, обладающая солидным запасом знаний, умеет пользоваться столовыми приборами – и достаточно. В остальном я подходила, главное – блестела на Чарльза глазами и с трудом дышала от счастья.

Я действительно влюбилась. Чарльз мог иметь какую угодно внешность, быть вообще мне по плечо, заикаться, хромать или скакать на одной ноге, я бы все равно в него влюбилась! Он был принцем из сказки, тем самым, который с первого взгляда увидел в Золушке с веником и в фартучке будущую принцессу. Я не могла не влюбиться...

Когда Чарльз уже ухаживал за мной, я еще продолжала работать няней у Робертсонов. Мэри, относившаяся ко мне весьма доброжелательно, пару раз осторожно заводила раз-

говор по поводу моих отношений с принцем, но вовсе не пытаясь что-то выведать. Вернее, Мэри выводывала, но не для себя, а скорее для меня самой. Она пыталась навести меня на размышления о том, что же я люблю в Чарльзе и люблю ли его самого. Мэри осторожно намекала, что принц может оказаться несколько не таким, каким видится в грезах, что не мешает присмотреться к нему поближе.

Мэри, пожалуй, была самой толковой моей советчицей, как жаль, что я ничего не слушала, вернее, из вежливости слушала, но не слышала. Я жила в мире грез, в мире героев романов, и у меня самой в жизни все тоже складывалось согласно законам жанра. Принц встретил почти юную, привлекательную, почти бедную девушку и влюбился.

По законам жанра следовала свадьба. Неужели у меня будет свадьба с наследником престола?! Боже мой, от одной мысли об этом голова шла кругом, и я почти теряла сознание!

Меня все чаще приглашали туда, где бывал Чарльз, и хотя он далеко не всегда вообще обращал на меня внимание, я придумала себе, что принц так испытывает свои и мои чувства.

Большую глупость придумать было трудно, потому что «проводивший испытания» Чарльз вовсю танцевал со своими любовницами, прошлыми и нынешней – Камиллой, а я, его тайная любовь (надо же в такое поверить!), маялась, глядя на это со стороны.

Но за дело взялись бабушки – его и моя. Если чего-то желает королева-мать, она этого добивается или просто получает. Элизабет-старшая и Рут Фермой – дамы весьма активные и решительные. На всяких вечеринках в Лондоне Чарльз отвлекают другие вертихвостки? Значит, Диану надо пригласить туда, где не будет никаких танцев, зато появится возможность побыть наедине. Не может быть, чтобы принц в таких условиях не обратил внимание на красивую, молодую и влюбленную в него девушку.

Решено – сделано, меня пригласили в королевскую резиденцию Балморал! Там ежегодно проводятся соревнования, придуманные шотландцами еще в древности. Рослые, сильные мужчины поднимают огромные бревна, быстро-быстро несут их и подбрасывают так, чтобы бревно, сделав кувырок, упало как можно дальше. Это называется Бремарскими играми. За состязаниями следят прекрасные дамы, обычно бывает и королева с ее гостями.

Меня пригласили на Бремарские игры! Это означало, что я хотя бы неделю пробуду в Балморале в королевском обществе. Туда приглашались только старинные приятели и те, кто был очень нужен.

Я наивно полагала, что в Балморале, на природе можно пожить в свое удовольствие с бесконечными пикниками (мы же видели со стороны, что члены королевской семьи часто отправляются на пикники), сельскими развлечениями, ма-

ло подвергаясь разным ограничениям, особенно ритуалу. На всякий случай я взяла с собой всего одно вечернее платье, да у меня и не было десятка, во всяком случае, подходивших для королевского приема не было.

Мой чемодан был довольно скромнен, к тому же я просто полагала, что сумею съездить в ближайшие магазины и что-то купить в случае необходимости. Мэри с сомнением качала головой, но я только отмахивалась. Сама возможность побывать сначала на королевской яхте «Британия», а потом в замке Балморал превращала жизнь в сказку, и я не собиралась разрушать ее грубыми размышлениями о том, сколько и каких платьев брать.

Моя голова была забита другим. Я приехала всего на три дня и за это короткое время просто обязана была очаровать всех присутствующих, от королевы до ее своры собак корги. Это очень трудная задача, потому что у принца Чарльза гостили друзья, привыкшие к определенному стилю общения, а потому мне следовало как можно лучше заранее изучить пристрастия этих самых друзей, ведь очаровать принца еще полдела, нужно очаровать и его подсказчиков. У Чарльза было слишком много девушек, чтобы даже понравившаяся закрепилась рядом с ним навсегда против воли его приятелей и приятельниц. Принц из тех, кто слушает бабушку, маму, папу и друзей.

Я готова была очаровывать и корги. Вообще-то я к собакам почти равнодушна. Больше люблю хомяков, морских

свинок, всех тех, кого можно взять на руки и прижать к себе. Но в Балморале, если бы разрешили, собственноручно таскала бы в обнимку и всю свору корги. Не пришлось, меня не заставили (или не доверили) возиться с корги, этим занимались слуги. Баррелл твердил, что голосистую свору выгуливал он, я такого не помню, но это не важно.

Я в Балморале в качестве гостыи в королевском семействе! В замок ездили только те, кого изволили пригласить члены королевской семьи.

Я бывала в Балморале, но не как его гостыя, а как член семьи помощника секретаря Ее Величества, причем весьма любопытный член. Моя сестра Джейн была супругой того самого помощника секретаря. И все же в замок нас никто не пускал, мы жили в коттедже для гостей и старательно не попадались на глаза обитателям самого замка: там это не принято.

Но одно дело смотреть на королевскую семью со стороны и совсем другое – оказаться внутри ее! В Балморале не менее строгий распорядок, чем в Букингемском дворце, королева просто не умеет жить вне жесткого распорядка дня: как все вещи должны лежать на своих местах, так и происходить все по минутам.

С другой стороны, это понятно, потому что без конца сталкиваться в коридорах огромного замка, рискуя оказаться в дурацком положении, тоже неприятно. Был и свой

дресс-код, вернее, есть. Он не изменится, пока будет существовать монархия. В Балморале женщинам категорически запрещено носить брюки, спортивно можно одеваться, только собравшись на охоту или рыбалку, а на ужин обязательно являться в вечернем наряде.

Вот теперь я была в ужасе, потому что вечернее платье всего одно, а отправиться в магазин, даже ближайший (в котором, конечно, ничего подобного не имелось), означало на целый день выпасть из жизни поместья. Спасло меня только то, что вся неделя, которую я там пробыла, оказалась очень теплой, вместо вечерних ужинов у нас были посиделки в летнем домике, где длинные вечерние платья не нужны. Даже погода помогала мне!

Я старалась заразить весельем всех, в конце концов, даже гулять с принцем по болотам или подолгу стоять в ледяной воде, пытаюсь закинуть удочку, лучше, чем чинно сидеть на скучных ужинах, с замиранием сердца ожидая обращения к себе кого-то из королевской семьи и смущенно соглашаться:

– Да, Ваше Королевское Величество... Да, Ваше Королевское Высочество...

Там, на берегу реки Ди (однажды я даже попыталась убедить принца, что реку назвали в мою честь! Он с удовольствием смеялся над такой глупостью) Чарльз был не столько принцем, сколько обычным человеком, которого очаровать много легче. Пытаясь научить меня правильно выбирать наживку, надевать ее и забрасывать удочку, он хохотал вместе

со мной просто оттого, что я страшно боялась брать мух в руки, мне было жаль их прокалывать, а потом, когда клева-ло, я вопила с таким восторгом, что, по словам принца, распугивала всю рыбу в округе.

Я резвилась, как настоящая школьница, отправившаяся в скаутский поход. Провалиться по колено в болото? Так даже забавней! Какая прелесть эта вымазанная грязью хохочущая Диана? Не правда ли, она очаровательна?

– Ваше Королевское Высочество, позвольте я вам помогу?

Принц Филипп с удовольствием соглашался, и мы вместе жарили бифштексы для королевы и гостей.

– Нет, нет, сидите, я соберу посуду, мне нетрудно...

Мне действительно нетрудно быстро собрать посуду после пикника, к тому же я самая молодая из собравшихся. Это нравилось всем, мне активно помогали, но проявленная готовность услужить приводила общество в восторг. Королева заметила, что я воспитанная девушка.

Я очень старательно соблюдала все правила Балморала, даже считая многие дурацкими, если чего-то не знала, обращалась за помощью, смущенно объясняя, что не знаю, как принято именно здесь. Это тоже очень нравилось. Я постоянно обращалась за помощью то к членам королевской семьи, то к приятелям или приятельницам Чарльза, даже к слугам. Знаю, что ничто не обезоруживает так, как обращение «помогите мне, пожалуйста, я здесь впервые...». Это одновременно и просьба о помощи, после которой некрасиво не

помочь и можно простить какую-то оплошность, во-вторых, намека на то, что в первый, но не последний, значит, просто отмахиваться не стоит, мало ли что.

Но больше всего мне нравилось быть с Чарльзом! На лужайке вечеринке он мог запросто уйти танцевать не с той, которую привез, и даже уехать с другой; здесь, стоило уйти на берег Ди, он был только со мной.

Я быстро оценила разницу между охотой и рыбалкой. Охотница из меня плохая, для этого нужно хорошо держаться в седле, уметь стрелять, даже если охота на куропаток, все равно каждый сам по себе. Там нельзя попросить помочь, объяснить, никто во время охоты не станет советовать, как лучше подкрасться, всему надо учиться заранее.

Совсем другое дело рыбалка. У Чарльза так ловко получалось закидывать удочку! Мне казалось, что вся рыба косяками собирается к месту, где мы стояли по колено в ледяной воде, только чтобы попасть на крючок именно принцу.

– О, Чарльз, у меня самой так никогда не получится!

Не называть же его Вашим Королевским Высочеством, если мы только что препарировали большую муху, надевая ее на крючок, и он охватывал мои плечи, помогая правильно размахнуться удилищем?

Это было здорово! Принц учил меня ловить форель! С супругом королевы мы жарили бифштексы! Ее Величество принимала из моих рук чашку с горячим чаем, сидя на складном стульчике на пикнике!

– У Дианы уже неплохо получается забрасывать удочку...

– О нет! Разве можно научиться делать это так, как вы, сэр?! Если мне что-то и удастся, то только с вашей помощью! А я так неуклюжа...

Я смущалась, Чарльз обещал, что у меня все получится, все были в восторге. Надо мной посмеивались из-за моего откровенного обожания и восхищения принцем.

– Вас послушать, так лучше моего сына рыбака нет!

– Да, Ваше Королевское Высочество, для меня нет.

Меня опекали, как школьницу, прощали мелкие оплошности и учили, как не только стрелять или забрасывать удочку, но и как вести себя в более официальной обстановке. Я чувствовала, что понравилась. Конечно, мы бывали с принцем даже наедине, но все это в пределах приличий, если объятья, то только когда забрасывалась удочка, если лишнее прикосновение, то только привалившись от хохота к его плечу... Нет, нет, что вы, я не подружка на вечер. Да, я влюблена в принца, очарована им, но это не значит, что я доступна.

Дальше приглашения следовали одно за другим. Меня позвали в Биркхолл. Королева-мать лично внесла мое имя в список приглашенных! Теперь предстояло не ударить в грязь лицом перед бабушкой Чарльза.

Биркхолл – место рождения Роберта Бернса, его именем проникнуты, кажется, все окрестности. Пришлось срочно сменить романы Барбары Картленд на томик Роберта Берн-

са. Хотя я и признавалась, что тупая как бревно (просто так было принято между теми, с кем я общалась вне королевской семьи), но таковой совсем не была и прекрасно понимала, что для себя можно читать дамские романы, а для принца нужно нечто поумней.

В Биркхолле он был мною очарован.

Тогда мне немало помог камердинер принца Стивен Барри, который позже стал почти моим врагом. Пока я была просто подружкой принца, его камердинер легко рассказывал забавной глупышке о предпочтениях принца, а когда я стала претендовать на более заметное место в жизни Чарльза, хорошее отношение ко мне со стороны Стивена быстро закончилось.

Но тогда он еще помогал мне, подсказывая, когда следует умерить свой пыл и отойти в сторону, потому что принцу хочется посидеть молча, когда он расположен шутить, а когда, напротив, не в настроении. Я обожала Чарльза (я и сейчас его люблю, что бы там ни было в моей жизни и что бы ни говорили недоброжелатели), а потому следовать желаниям моего кумира было очень легко. Если он хотел веселиться, я смеялась, он хотел тишины, я превращалась в невидимку с книгой в руках. Конечно, в королевских замках не было романов Барбары Картленд, потому мне поневоле пришлось переключиться на другую литературу, и это понравилось. Правда, я так и не научилась любить философствования Лоуренса Ван дер Поста или Карла Юнга, которых обо-

жал Чарльз.

Я обожала принца, училась, стараясь во всем ему нравиться. А сердце сладко млело: вот если он влюбится в меня, женится на мне, то предпочтет меня всем, даже своим многолетним друзьям, и тоже будет стараться соответствовать мне.

Сейчас я понимаю, что нужно было быть такой глупой восторженной девятнадцатилетней девчонкой, какой была я, чтобы надеяться, что Чарльз даже после свадьбы переключит свое внимание с Ван дер Поста на меня, будет придавать моим словам больше значения, чем мнению многолетних приятелей по поло или охоте, и тем более перестанет спать с Камиллой! Он и не собирался ради какой-то там Дианы, пусть и влюбленной в него, пусть даже родившей двух прекрасных сыновей, отказываться от любовницы или своих занятий.

Дети? Камилла важней! Нет, если бы ему пришлось открыто выбирать между мальчиками и любовницей, тогда он выбрал бы сыновей, но Чарльз достаточно умен, чтобы избегать таких ситуаций, он выбирал только между мной и ею, и всегда в ее пользу.

Мне бы понять это раньше... Боюсь, что в глубине души я понимала, но надеялась, что все переменится после свадьбы. Ведь я берегла для Чарльза самое важное – саму себя, я была неприкосновенна для других в те времена, когда отсутствие секса у незамужней девушки казалось чем-то ненормальным. Но мне не хотелось растрчивать себя, дав-

ным-давно, еще со времени охоты в Элторпе влюбившись в Чарльза, я не мыслила принадлежать никому другому. Обидно, что этому он предпочел потрепанную временем и многочисленными любовниками Камиллу...

Даже в последний день перед нашей свадьбой он поступил так же – сбежал от меня и гостей к любовнице.

Но до этого еще произошло немало всего...

С одной стороны, все неумолимо двигалось к помолвке, ни с кем из прежних подружек принца не обращались так, как со мной. Правда, никто из них, включая мою собственную сестру Сару, не вел себя похоже на меня. Все его любовницы прыгали в постель по первому требованию, а Камилла не пожалела даже собственного мужа Эндрю, которого по-настоящему любила. Но меня соблазнить свиданием наедине не удалось. Нашлись идиоты, написавшие о том, что я тайно посещала поезд Чарльза. Это смешно, потому что тогда я лишилась бы главного своего козыря – невинности и недоступности до брака. Не затем я столько лет себя оберегала, чтобы вот так легко это потерять.

Поцелуи не в счет, это признак влюбленности... и даже самые страстные, они все равно достаточно невинны...

Я понимаю, что на Чарльза давили со всех сторон. Бабушка королева-мать, отец принц Филипп и, наверное, сама королева требовали, чтобы он решился наконец. Друзья, наоборот, всячески убеждали не торопиться, потому что я

слишком молода и из совершенно другого мира. Друзья были правы, но как же я тогда их ненавидела! Каково было по уши влюбленной девушке, которая в шаге от исполнения романтической мечты всей жизни, понимать, что кто-то убеждает ее возлюбленного не делать предложение.

Я не подозревала, что моей неожиданной сторонницей стала... Камилла. Просто ее вполне устраивала молодая влюбленная девочка в качестве жены любовника, Камилла надеялась, что я не смогу конкурировать с ней в постели и буду вести себя тихо как мышка. Моя соперница называла меня серой мышкой!

Легко представить мое состояние, когда Чарльз вместо того, чтобы провести Рождество со мной, вдруг отправился с визитом в Индию! Крушение моих надежд, всей моей жизни было так близко, что я не выдержала и отправилась в Элторп. Если честно, мне в ту минуту очень хотелось поплакать на груди у своей мачехи Рейн, если бы она сделала хоть шаг навстречу, я бы так и поступила. Но Рейн всегда была сгустком энергии, вместо того чтобы просто пожалеть меня, мачеха старалась подбодрить совершенно неуместными фразами. Я даже не помню, о чем она говорила, но точно знаю, что невпопад.

Папа болел, Чарльз уехал, и я снова была совершенно одна...

Меня не пригласили праздновать Рождество с королев-

ской семьей, я еще была никем, мне просто не с кем оказалось встретить Новый год! Хороша ситуация для той, вокруг которой толпами выются репортеры, стараясь запечатлеть каждый шаг, каждый жест, старательно выпытывая:

– Принц намерен сделать вам предложение?

Сара послала бы всех к черту или... к самому принцу. Очень хотелось так и поступить. Чарльз просто ломал мне жизнь, ввергая в настоящий ад неизвестности и крушения надежд.

Конечно, можно сказать, что меня никто не заставлял надеяться, но ведь тогда честнее было просто дать понять, что роман закончен... Позже я поняла, что это цветочки, настоящий ад меня ожидал впереди!

Когда в начале февраля Чарльз все же позвонил мне с предложением встретиться, я была настолько измучена ожиданием и самыми разными слухами и предположениями, что не сразу поняла даже то, что он делает мне предложение! Чарльз твердил, кажется, о необходимости понимания, что я со временем стану королевой, а я, влюбленная дурочка, отвечала ему, что люблю. Разве могло быть что-то важнее любви моей к принцу и его ко мне?!

Почему-то мелькнула мысль, что никакой королевой я никогда не стану, но я отогнала ее как нелепую. Чарльз наследник престола, значит, будет королем, а я его супруга, значит, буду королевой! Но это было совершенно не важно, главное

– принц, в которого я по уши влюблена, предлагал мне стать его супругой!

– Да! Да! Да!

Подружки дома визжали от восторга, Рейн, которой я сообщила по телефону, чтобы она передала отцу, сказала нечто вроде «наконец-то!», зато большое ведро ледяной воды вылила мне на голову мама. Она попыталась остудить мое разгоряченное воображение, а я не могла понять, чего она боится. Принц сказал, что очень скучал без меня, что хочет, чтобы я стала его женой! Маме бы радоваться, а она была почти в ужасе.

– Диана, кого ты любишь, Чарльза или принца?

Я не понимала:

– Какая разница, он же принц!

Много позже я поняла, чего именно боялась мама: что я влюбилась в образ Чарльза как принца, а не в него самого. Но здесь она была не права, я действительно обожала своего жениха, просто не разделяя его и его статус. Я интуитивно понимала то, чего не понимали многие своим разумом: Чарльз неотделим от своего статуса, он родился принцем и вырос наследником престола, без этого статуса, без сознания своего положения Чарльз не был бы Чарльзом. И нельзя полюбить Чарльза, не полюбив принца.

Куда лучше было бы объяснить, что меня вообще ждет в семейной жизни, приучить к мысли о супружеской невер-

ности, к тому, что у него есть и будет любовница, что все увлечения женщинами никуда не денутся после женитьбы, просто вместо множества разных теперь будет одна Камилла. Меня нужно было подготовить к реалиям жизни, помочь заранее подготовиться к войне с любовницей, помочь завоевать сердце мужа настолько, чтобы его не тянуло к другой.

Мама этого не могла, Рейн могла, но не сделала. Хотя, думаю, если бы она и стала что-то объяснять, я бы не послушала, решив, что это зависть. И Сара могла, но не нашла нужным, в этом тем более играла роль зависть.

И вообще, влюбленная Диана едва ли слышала бы чьи-то советы: я летела, как мотылек на огонь, замурив глаза и не чувствуя беды... Нет, что-то я чувствовала, у меня всегда заранее предчувствие неприятностей, но я так хотела выйти замуж за принца, что отгоняла любые сомнения. Принц полюбил меня, иначе просто быть не могло, так всегда происходило в романах Барбары Картленд, скромных девушек всегда оценивали высоко именно принцы!

Все будет хорошо – это я твердила себе, как заклинание. Меня поддерживала бабушка, а уж она-то точно знала, как надо жить при дворе.

А ведь отрезвляющие моменты были, но тогда уже было поздно. Пока мы просто ездили в Хайгроув и соседнее поместье Боулхайд, где Камилла, то и дело напоминая, что они с Чарльзом старинные друзья, а она сама счастливая жена

Эндрю Паркер-Боулза, советовала, как вести себя с принцем (чаще всего намеренно говоря неправильно), я просто морщилась. Ничего, придет время, и я удалю всех подруг вроде этой старой ротвейлерши, обойдусь без ее советов.

Потом состоялась официальная помолвка и объявление о ней журналистам. Для этого мероприятия мне был куплен «подобающий» костюм – голубой с дурацкой блузкой, делавший меня старше лет на десять. Выбирали костюм придворные дамы соответственно своему вкусу. Я не удивилась бы, узнав, что принимала участие Камилла, но обошлось. Когда я вижу фотографии или съемку этой встречи с журналистами, меня коробит не ответ на вопрос, что мы чувствуем, а именно то, что меня совершенно намеренно состарили.

Интервью тоже получилось ужасным. При упоминании о любви мой будущий супруг умудрился перед всем миром заявить: «что бы ни подразумевали под этим словом». Мне бы обратить внимание, поскольку оказалось, что мы действительно подразумеваем разное: Чарльз – светскую любезность по отношению ко мне, а я – настоящую влюбленность.

Но даже если бы я поняла, повернуть назад нельзя. Даже до помолвки нельзя! Девушка, которую несколько раз пригласили в королевские резиденции, которая столько времени провела в королевской семье, должна либо выйти замуж за принца, либо вообще исчезнуть. Если бы Чарльз не сделал мне предложение, представляю, сколько и какой грязи вылили бы на меня во всех газетах.

Едва ли я понимала это тогда, просто летела, как влюбленный мотылек на огонь. А Чарльз явно понимал, он-то со-знавал, что ошибаться нельзя, что берет на себя слишком большую ответственность, выбирая по сути будущую королеву для Англии. Никто же не подозревал, что наша семейная жизнь может закончиться разводом.

Протестовали его друзья, они-то видели, что мы совсем разные и моя влюбленность ничего не спасет. Удивительно, но с таким выбором была согласна Камилла: как потом оказалось, ее вполне устраивала в качестве супруги Чарльза «серая мышка», как звала меня ротвейлерша. Камилла считала, что сможет быстро поставить меня на место, что я подобно своей бабушке буду терпеливо сносить измены мужа и делать вид, что ничего не происходит.

Потом я узнала, что человек, в которого я была влюблена по уши, просто очень хотел совершить правильный поступок во имя страны и королевской семьи, но очень боялся, что даст обещание и будет всю жизнь жалеть об этом! Чарльз оказался прав: он дал обещание у алтаря и жалел об этом. А ведь нужно было всего-навсего отказаться от Камиллы.

Узнала не только я, это стало известно всему миру, потому что Чарльз позволил Димблби заглянуть в свои дневники. Если бы он написал о своих чувствах через несколько лет после пережитого, это выглядело бы как попытка оправдаться или отомстить, но в дневник записывалось в то время, когда думалось...

Глупая яркая бабочка летела на ледяной свет, чтобы погибнуть. Неожиданность только в том, что я не погибла, умудрилась уцелеть, когда меня пытались лечить от паранойи, умудрилась выстоять, когда была унижена любовницей, сумела найти себя и даже в какой-то степени противостоять фирме под названием «королевская семья».

Удивительно, но я сумела.

Однажды я задумалась, что было бы, представляй я свою будущую жизнь? Нет, то, что со мной произойдет, не несколько попыток суицида, даже не рождение двух моих замечательных мальчиков, а просто жизнь, которая меня ожидает в золотой клетке.

Что бы я сделала – отступила, бежала сломя голову, покорилась заранее... И вдруг поняла, что ничего, все прошла бы снова.

Во-первых, просто не поверила бы, потому что все связанное с Чарльзом видела сквозь радужные очки, была влюблена, а потому не слушала никого и ничего, даже собственное сердце, которое подсказывало, что я никогда не стану королевой, что ничем хорошим это замужество не кончится.

Во-вторых, выбора у меня просто уже не было, с той минуты, как я оказалась в королевском кругу, не было. Сара встречалась с Чарльзом, но не стала принцессой, выйдя замуж за скромного сквайра. Нельзя попасть в орбиту принца и не поплатиться за это. После того как я побывала в Бал-

морале в качестве гостыи принца, у меня не было обратного пути, только замуж!

Но главное — я свято верила, что предназначена для Чарльза, недаром он столько лет не женился! Верила, что если я влюбилась в него по уши, то и он ответит мне тем же. Я же не знала о Камилле, вернее, не хотела знать (что совсем не одно и то же), считая сердце моего принца свободным, а значит, предназначенным для меня. Я столько лет просто берегла себя для него, Чарльз обязательно должен оценить мою недоступность для других.

Была где-то в глубине мысль, что именно в этом мое преимущество перед Камиллой.

Своим сыновьям могу посоветовать: прежде чем делать предложение, убедитесь, что у вашей избранницы нет на глазах радужных очков, что она все видит в истинном свете, иначе самая искренняя любовь может принести беду.

Чарльз виноват в том, что, будучи много старше меня и опытней, видел эти самые радужные очки на моих глазах, понимал, к чему это приведет, но не снял их. Лучше бы он честно рассказал все до свадьбы, до помолвки, я бы все равно вышла за него замуж, но уже не пряча голову в песок и не закрывая глаза перед трудностями. Принц поступил наоборот, он сам спрятал голову в песок, и мы поженились, словно несясь на огромной скорости с закрытыми глазами. Аварии не быть не могло.

Но я не виню Чарльза, он меньше всего интересовался то-

гда мною самой, куда больше выполнением долга перед Британией и устройством жизни, и после женитьбы мало отличающейся от прежней холостяцкой.

Виновата... Камилла, именно она ошиблась, выбирая меня в качестве глупой подсадной утки, именуемой супругой принца Чарльза, она подсказала Чарльзу неверный ход, а он, как послушный мальчик, выполнил указание двух мамочек – королевы и секс-мамочки Камиллы, превратив нашу совместную жизнь в ад.

И все равно я благодарна, потому что у меня есть мои мальчики – Уильям и Гарри! Мои два чуда, моя вечная и нерушимая, ни с какой другой не сравнимая любовь, ради которой стоило пережить все, что пережито, и выстрадать то, что выстрадано.

Сейчас я надеюсь только на одно: развязавшись с королевской семьей, я должна суметь найти свой путь, за который моим мальчикам не будет стыдно за свою маму, как было, когда звучали гадкие записи подслушанных телефонных разговоров, когда газеты пестрели множеством не менее гадких статей о наших с Чарльзом делах.

Я постараюсь, мальчики, я очень постараюсь. Я исправлю все ошибки, которые натворила, и вы еще сможете гордо сказать:

– Наша мама – принцесса Уэльская.

Остановить меня может только гибель, которая уже столько времени снится мне и видится почти наяву. Я не парано-

ик, я просто продвигу...

Супруга принца

Состоялась помолвка, объявлено о свадьбе, причем я не могла понять, почему принц тянет теперь-то. Для меня каждый день, каждый шаг был мучителен, хотя я уже жила в Кларенс-Хаус у королевы-матери.

Начали прибывать свадебные подарки. Это нелепо – получать подарки задолго до свадьбы, но королевская свадьба необычна, а потому я ничему не удивлялась. Однако я страшно скучала. У всех свои дела, все заняты либо чем-то серьезным, либо привычным бездельем, но бездельем в своем окружении, ведь даже раскладывать пасьянс или что-то наигрывать на рояле у себя дома – это одно, а в чужом доме, страшно боясь сделать что-то не то, – совсем другое.

Почти пять месяцев сидения в своей комнате с редкими выездами на примерки платья, и скука, скука, скука... К принцу нельзя, он все время занят, поговорить не с кем, звонки из королевской резиденции прослушиваются...

Чарльз часто уезжал, потому что для него дела – самое важное. Наверное, таким и должен быть будущий король, но в таком случае следовало бы просто поторопиться со свадьбой и все, а не заставлять меня маяться без дела пять месяцев. К тому же мой жених умудрился сокрушенно намекнуть, что я слишком полненькая! Никто не может понять,

каково это, кроме тех, кто прошел через такое. У меня начались приступы булимии. Как следствие, я начала худеть, даже свадебное платье пришлось несколько раз ушивать в талии.

Неудивительно, что я просто прилипла к секретарю Чарльза Майклу Колборну, разбиравшему подарки. Кстати, Майкл сказал мне просто изумительную вещь! Я спросила его, изменюсь ли я со временем, ожидая услышать, что стану взрослее и сумею наконец запомнить всю эту чертову прорву официальных вещей. А услышала... Майкл обнадежил, что я превращусь в настоящую стерву, поняв, что люди ради меня готовы пойти на все!

Я была настолько потрясена обещанием превратиться в стерву, что даже не поинтересовалась, что это за «все» и кто эти люди.

После очередных посиделок в кабинете Колборна разразился скандал. Нет, с Майклом у нас ничего не было, я даже в мысли не допускала никого, кроме Чарльза, напротив, неприятность исходила от моего будущего мужа! У Колборна на столе лежал очаровательный пакет, какие во множестве приносили в последние месяцы во дворец, решив, что это еще один подарок от тех, кто приехать не сможет, да и не был приглашен на свадьбу, но «отметиться» хотел бы, я решила сверток вскрыть. Майкла в это время куда-то вызвали. Он отсутствовал недолго, но я успела открыть пакет. То, что я увидела, повергло в шок.

Нет, это не был свадебный подарок, это был подарок Чарльза... Камилле! За две недели до нашей свадьбы мой будущий супруг делал подарок своей любовнице! Я с трудом справилась, чтобы не порвать в ярости этот браслет. Даже сейчас, через много лет у меня темнеет в глазах и их застилает туман. Так унижить меня можно было, только пригласив ее третьей в нашу постель. Тогда я не знала, что и это будет.

Я метнулась к Саре, больше не к кому, мама никогда меня не поняла бы, Джейн тоже. Сара только усмехнулась:

– А чего ты ждала? Я тебя предупреждала.

– Я не выйду за него! Это просто немыслимо!

Сестра пожала плечами:

– Теперь поздно. Вашими портретами полон Лондон и вся Англия. Ты сказочная принцесса и не можешь обмануть всеобщие надежды. Это жестоко по отношению к людям.

Я не простила Чарльзу такой подлости по отношению к своей будущей жене. Можно не любить меня и любить другую, но надо быть добросердечным и чутким, понимая, какие раны наносишь своим поведением.

При нашей первой встрече очаровательная Грейс Келли «ободрила» меня:

– Не бойтесь, дорогая, дальше будет еще хуже.

Как часто в последующие годы я вспоминала ее слова!

Но я впрямь не могла обмануть надежды множества людей. Конечно, далеко не все в Британии и в мире желали этой свадьбы, вернее, меня в качестве невесты, но большинство

все же желало. Я продолжила подготовку к свадьбе...

В Букингемском дворце устраивали предсвадебный бал, на который были приглашены восемьсот гостей, в том числе представители всех царственных домов Европы, весь цвет высшего общества Британии и Европы. Больше могло собраться только на само венчание.

Я очень переживала, чтобы не ошибиться в выборе наряда, но, слава богу, этого не произошло. Всем понравилось мое платье цвета фуксии и ожерелье из жемчугов и бриллиантов. Когда Мэри Робертсон увидела меня в таком наряде, она воскликнула:

– Великолепно! Ты самая красивая невеста на свете!

Мне были так нужны слова поддержки!

Очень хотелось увидеть восторг и в глазах будущего супруга, но Чарльз был серьезен и чем-то озабочен. Позже я поняла, чем именно, вернее, услышала, как один из гостей с усмешкой сказал другому:

– У несчастного принца последнее вольное свидание...

Я пришла в ужас, но Чарльз действительно исчез, и довольно надолго. На предсвадебном балу мой жених покинул меня, чтобы повеселиться... и с кем?! Я вдруг почувствовала, что со страшной скоростью падаю, качусь куда-то вниз и остановиться невозможно. Вокруг были веселые лица, я все время танцевала, улыбалась, старалась не думать о Чарльзе, просто чтобы не расплакаться. Хотя, если бы это и произо-

шло, все приняли бы мои горькие слезы за слезы счастья. Сейчас мне кажется, что я чувствовала, будто засунула голову в петлю, которая с каждым годом станет затягиваться все туже.

Но, наверное, я сомневалась недолго, завтра моя свадьба с принцем, самым завидным принцем на Земле! Так не хотелось думать о его прошлых любовницах, казалось, что завтрашний день отсечет все прошлое, мы останемся на свете вообще одни – только я и он. Я готова была преподнести себя Чарльзу на блюде в любом виде – жареной, пареной, разделанной на куски... Я была без памяти влюблена в принца Чарльза. Даже если больше в принца, чем в самого Чарльза, которого, по сути, почти не знала, то все равно в него и только в него!

Я оглядывала огромную толпу радостных, возбужденных гостей, каждый из которых старался улыбнуться мне как можно шире, подбадривая. Все они искренне веселились, и никто меня не ненавидел, среди приглашенных не было Камиллы Паркер-Боулз, ее вычеркнули по моему настоянию. И я не позволяла мыслям о проклятой сопернице омрачить мои счастливые мгновения. Чарльз отправился к Камилле? Тем хуже для нее, потому что он должен сказать бывшей любовнице последнее «прощай» в преддверии завтрашнего венчания со мной.

Тогда мне казалось, что их свидание действительно последнее, что я победила, с завтрашнего дня Чарльз будет

принадлежать только мне. Ну, еще королевской семье и короне, но это как принц, а как мужчина – только мне.

Как же я ошиблась! Он и не собирался принадлежать только мне, Чарльз не намеревался бросать Камиллу и говорить ей последнее «прощай», что бы они там позже ни твердили. Сейчас я понимаю, как эти двое любовников смеялись надо мной, пока я улыбалась толпе восторженных гостей в зале, смеялись над моей глупой наивностью, и принц наверняка обещал своей любовнице почаше охотиться, чтобы видеться с ней...

Наивная девушка полагала, что, став супругой принца Чарльза, получит и его самого? Ничуть не бывало, я была просто выполненным долгом. Конечно, Чарльз относился ко мне тепло, по-своему даже любил, как любил определенные вещи или даже слуг, но не больше.

Я не опозорилась на предсвадебном балу, сумела сделать вид, что не замечаю отсутствия того, с кем должна пойти завтра под венец, старательно думала только о том, что завтра моя свадьба! В какой-то миг даже поймала себя на том, что думаю о СВОЕЙ, а не о нашей свадьбе. Все было просто: если вспоминать о Чарльзе, значит, придется думать о том, куда он сбежал от своей невесты и с кем проводит время. А это непременно означало бы слезы.

Слез не было! Я справилась, но оказалось, это только начало, мне придется справляться с собой много лет, и далеко

не всегда я сумею это делать. Просто тогда у меня была надежда, что это в последний раз, позже я поняла, что просто в очередной... Через много лет я откровенно сказала в интервью, что в браке нас всегда было трое. Нас было трое даже у алтаря, и понадобилось немало сил, чтобы выбросить эти мысли из головы.

После бала я отправилась в Кларенс-Хаус. Мы поднялись ко мне наверх только с Джейн, я не хотела видеть Сару, потому что Сара напоминала о неверности моего будущего супруга. Я старательно держалась, Джейн не заметила моего жуткого состояния...

Но когда ушла Джейн, меня скрутил приступ булимии.

А потом вдруг принесли подарок от Чарльза – перстень-печатку с теплой запиской, в которой он обещал ждать меня у алтаря и просил привести всех в полный восторг!

Я выпрямилась, разбитое состояние мгновенно улетучилось! Чарльз будет ждать меня у алтаря, завтра для меня начнется новая жизнь. Принц обвенчается с принцессой – что может быть лучше и красивей? Платье с огромным шлейфом уже ожидало меня, оно было великолепно, я буду самой красивой невестой в мире, к тому же выходящей замуж за самого завидного принца!

Но я была не в состоянии ни заснуть, ни оставаться одна, еще чуть – и начнутся слезы, значит, завтра будут красными глаза и бледным лицо. Я почти бросилась вниз. Перепуган-

ный паж королевы-матери Уильям Тэллон невольно произнес:

– Что с вами, Ваше Высочество?

Едва ли он сам заметил оговорку, ведь никаким Высочеством я тогда еще не была, но именно эти слова вернули меня к жизни. О чем я думаю?! Завтра моя свадьба, завтра я стану из просто Дианы Спенсер принцессой Дианой, женой наследника престола! При чем здесь какая-то Камилла Паркер-Боулз?! Ее больше не будет, она просто исчезнет, испарится, как злая волшебница из сказки, которую облили ведром воды. Этим волшебным ведром воды станет наша с Чарльзом свадьба!

Без пяти минут Высочество вдруг улыбнулось:

– Грустно...

В кабинете у пажа я вдруг увидела велосипед. Ему там совсем не место, как и мне во дворце, но мы были, и с этим приходилось считаться! Почему-то наличие велосипеда привело меня в восторг! Мы выпили – паж и конюший коктейли, а я какой-то сок, – потом я вдруг принялась кататься по комнате на велосипеде и почти вопить:

– Завтра моя свадьба! Завтра я стану принцессой!

Не знаю, что подумали королева-мать и ее гости и слуги, но если посмеялись, то замечание мне не сделали. Вся Англия ждала эту свадьбу не меньше меня самой!

Мне казалось, что заснуть в ночь перед венчанием про-

сто невозможно, а если уж такое случится, то сны будут радужные... Заснула и снов не помню. Утром состояние было странное, словно я всеобщая жертва, которой не сбежать, даже если бы и хотелось. Мне не хотелось, но понимать, что через пару часов ты окажешься в центре внимания тысяч человек, довольно волнительно. Я не представляла себе истинных размеров интереса к нашей свадьбе, хотя понимала, что интерес велик.

Все получилось как надо. Я была хороша в платье от Эммануэль. Волосы легли как надо, тиара в них сидела крепко, не угрожая свалиться при неосторожном движении, как я того боялась. Когда я появилась в платье перед подружками невесты, все дружно ахнули! Я едва сдерживала слезы восторга, вид действительно был впечатляющий, и огромный шлейф не мешал двигаться.

Отец, который должен вести меня к алтарю и передать принцу, не так давно перенес инсульт, от переживаний, связанных с предстоящим венчанием дочери, он выглядел неважно, и я очень боялась, что папа не выдержит нагрузки.

– Как ты?

Он вымученно улыбнулся:

– Я все выдержу, даже если после этого придется умереть...

– Не смей! Ты должен понянчить внуков.

Это требование развеселило его, папа улыбнулся уже радостно:

– Да, Ваше Высочество!

– Опирайся на мою руку крепче.

– Должно бы наоборот...

Мы с трудом втиснулись в узкую карету, нет, ни я, ни папа не были толстыми, но с нами ехал еще и огромный шлейф. Я старалась не думать о том, что он помнется. Да у меня и не было возможности думать.

Такого наплыва народа я не видела никогда! Приветственные крики восторженной толпы заглушали даже наши с папой голоса. Я боялась одного – разрыдаться от счастья и все напрочь забыть.

Шлейф, конечно, помялся, его пришлось долго расправлять, потому мы немного затянули церемонию. Но никто не сказал и слова против. У меня в памяти остались смутные воспоминания того, как мы с отцом поднимались по ступенькам собора Святого Павла и ему приходилось крепко опираться на мою руку, чтобы не упасть. Но папа держался молодцом, хотя чувствовал себя явно плохо.

Я забыла все свои сомнения, я не могла не быть счастливой, потому что от самого выхода из Кларенс-Хауса до собора Святого Павла стояла не просто толпа, а море народа, люди восторженно приветствовали нашу с отцом карету, словно самим своим появлением я осчастливила каждого из них.

Плохо помню происходившее, в ушах стоял восторженный рев толпы, перед глазами море цветов, флажков, улыбающихся лиц... Англия была счастлива, и я тоже. В тот день я

забыла все свои сомнения, все страхи, я была невестой принца, и свадьба была волшебной!

Длинный шлейф моего свадебного платья в карете немилосердно смялся, но Дэвид и Элизабет так ловко умудрились расправить его, что говорили, будто нарочно труднее придумать. Толпа просто редела от восторга, глядя, как мы с отцом медленно поднимаемся по ступенькам храма навстречу моей новой жизни. Папе было очень тяжело, и он основательно опирался на мою руку.

Медленно шествуя в соборе по проходу к алтарю, подле которого меня ждал принц Чарльз, я все же заметила Камиллу в грязно-сером наряде и нелепой шляпке под небольшой вуалью, словно под вуалью можно спрятать ее массивную челюсть. Она была со своим сыном Томом. Я знаю, что Камилла называла меня серой мышкой. Но в тот день серой мышью была она, а не я. Серой грязной крысой, надувшейся оттого, что ее мужчина венчался с молодой красивой юной девушкой! И ее челюсть ротвейлера была крепко сжата. Тогда мне показалось, что я победила, это подняло настроение, и все вокруг засверкало яркими красками...

Мы много раз репетировали церемонию и слова, которые должны произнести, но оба ошиблись, я перепутала имена, а Чарльз пообещал всем моим имуществом делиться со мной же. Позже, много раз просматривая эту запись, мы хохотали

до колик.

Моя ошибка была более заметна, но она привела зрителей в полный восторг, все оценили степень моего волнения и счастья! Когда вышли на балкон для традиционного поцелуя в знак любви, у меня от вида многотысячной толпы, запрудившей все вокруг, даже закружилась голова. Сара права, разве можно обмануть ожидания всех этих людей, а также тех, кто смотрел наше венчание по телевизору? Нет, я очень любила своего мужа и намеревалась быть самой счастливой женой, матерью, в будущем королевой!

Обещая это себе, я забыла добавить «любовницей», потому что нельзя быть счастливой женой, не будучи счастливой любовницей.

Мы целовались при всем народе, а толпа счастливо редела. И я совершенно уверена, что, оставь тогда Камилла в покое нас с Чарльзом, мы стали бы самой счастливой королевской парой на Земле. К сожалению, не оставила, ротвейлер, вцепившись зубами, не отпускает. Но тогда я не думала ни о Камилле, ни о ком другом, у меня был Чарльз, который только что стал моим мужем!

Но мне быстро пришлось понять, что невеста – главное действующее лицо только на свадьбе, недаром все сказки свадьбами заканчиваются и ни одна не начинается. Верить в то, что моя сказка закончилась, я не желала, будучи готовой вытерпеть все, чтобы превратиться из самой счастливой

невесты в самую счастливую жену.

Сложности начались уже во время свадебного путешествия.

Вы представляете медовый месяц в обществе экипажа яхты «Британия» и слуг? Поднимаясь на борт, я даже не подозревала, что ждет меня в последующие дни. Не знаю, о чем и о ком думал Чарльз, организовывая такое свадебное путешествие, но только не обо мне!

Муж взял с собой на борт собрание сочинений своего обожаемого писателя-философа Лоуренса Ван дер Поста и намеревался в очередной раз его проштудировать. Нашлась еще пара книг его обожаемого Карла Юнга с изложением концепции о психологических типах людей. Тоже весьма поучительно, главное, очень соответствовало моменту...

На яхте из женского общества только горничные, которые делали передо мной легкий реверанс и шарахались в сторону при любой попытке заговорить о чем-либо, кроме их профессиональных обязанностей.

Заходить в порты нельзя, яхта королевская, принц – наследник короны, а потому лицо государственное, любой заход в порт означал, что нас должны встречать первые лица государства. Поэтому огни всех городов мы видели только на горизонте. Скука неимоверная.

Все могло быть иначе, если бы мы действительно были романтической парой, вдвоем хорошо и в бунгало на берегу среди джунглей. Но бунгало не было, была чопорная ко-

манда, которой даже запретили болтать со мной запросто, были строгие чинные ужины под музыку военного оркестра со строжайшим соблюдением этикета, и была скука! Позже, слушая мой рассказ о свадебном путешествии, Ферджи сказала, что она бы сдохла от такого медового месяца!

Я выжила, но, кажется, начала понимать, во что влипла. Мой муж читал философские труды и пытался обсудить со мной какую-нибудь животрепещущую тему. Например, необходимость заглянуть в свою душу, чтобы поднять мгновение, узниками которого мы пребываем, на тот уровень, где вершится великий акт творения, или то, как распознать определенный психологический тип у человека по его мнению о соотношении личного и общественного в повседневных поступках... Великолепная тема для обсуждения с юной супругой, не правда ли?

Я пыталась читать Ван дер Поста, честно пыталась, тихонько взяв в стопке книг роман «Семя и сеятель». Наверное, это великая книга, но свадебное путешествие – не место, чтобы погружаться в перипетии английского военнопленного в японском лагере. Осознав, что мне совсем не хочется следить за противостоянием начальника лагеря самурая и британского майора, я тихонько вернула книгу на место.

Пришлось искать развлечения самой. Но где?! На верхней палубе в шезлонге сидел с очередным томом Поста Чарльз, ни бассейна, ни даже нормальных условий для загара не было. Просто валяться в таком же шезлонге надоело на третий

день, никаких книг для меня не было, захватить с собой плеер не догадалась, кроме того, я просто не ожидала, что мы не зайдем ни в один порт, где можно было бы купить все для себя.

Через несколько дней, случайно задев, я уронила записную книжку Чарльза, из которой выпали... фотографии смеющейся Камиллы! Я лично вычеркнула ее из списка гостей свадьбы, но она сумела попасть на венчание, правда, не сумев мне его испортить. Я уже понимала, что Чарльз не сможет сразу забыть свою многолетнюю любовницу, но брать с собой в свадебное путешествие фотографии Камиллы?! Это было уже не просто доказательством, что он не ставит меня ни во что, это было издевательством!

– Чарльз, что это?

Он спокойно поднял фотографии и вложил обратно в записную книжку.

– Фотографии Камиллы, но теперь все в прошлом.

Сейчас я понимаю, что хитрая женщина на моем месте попыталась бы подластиться к мужу и лично порвать чертовы снимки или выбросить за борт, но я была слишком молода и неопытна, к тому же верила Чарльзу, перед алтарем и миллионами зрителей обещавшему быть верным и любить меня, пока смерть не разлучит нас. Я разрыдалась и принялась что-то кричать, обвиняя его в неверности и подлости. В ту минуту я чувствовала именно это.

Чарльзу с трудом удалось меня успокоить. Но ничего не изменилось, и фотографии он тоже не выбросил, что подтвердило мои опасения, что муж лжет и будет лгать дальше.

В Порт-Саиде к нам на борт поднялись президент Египта Садат с супругой Джейхан. В их честь был дан торжественный ужин. Но о чем я могла говорить с женщиной, годившейся мне в матери, да еще и привыкшей держаться как первая леди? Она красивая, уверенная, настоящая леди, но я для нее девчонка, недостойная внимания.

Ужин получился скучнейшим, мужчины обсуждали политические проблемы, а мы, перекинувшись несколькими ничего не значившими фразами, вымученно улыбались. С женой президента Египта даже о погоде не поговоришь, погода в Каире всегда прекрасная. Зато я заметила ее пристальный взгляд на запонки Чарльза. Заметила и едва не выругалась вслух. На золотых запонках были переплетены две буквы «С» – Чарльз и Камилла! Едва ли это поняла Джейхан, просто ее привлекло красивое украшение, а я теперь только и ждала, во-первых, чтобы она не сделала комплимент по поводу запонок, во-вторых, окончания ужина, чтобы высказать свое возмущение Чарльзу!

Я имела на это право – насколько же нужно не считаться со мной, чтобы во время свадебного путешествия носить запонки, подаренные любовницей!

Буря действительно была серьезной. Чарльз недоумевал,

мол, он и не заметил, рубашки готовит камердинер Стивен Барри, а он сам даже не обратил внимания.

– Ты вообще должен был вышвырнуть эти запонки! Выброси их в море сейчас же!

– Не говори глупостей, Диана!

Так я осознала, что, женившись, мой муж не намерен расставаться с любовницей. И тогда испытала первый серьезный приступ булимии после свадьбы. Болезнь была и раньше, но на сей раз я чувствовала себя очень плохо... Никому не пожелаю такого свадебного путешествия!

Когда оно подошло к концу, я была счастлива, но оказалось, радоваться рано.

Теперь мы отправились в Балморал, где должны прожить до середины октября вместе со всей королевской семьей. Боже мой, эта скука была еще невыносимей! Придворный церемониал хорош только в ограниченном количестве и тем, кто к нему приучен. Я приучена не была совсем.

Мы в Элторпе не присутствовали на парадных обедах, не слушали и сами не вели чинные светские беседы ни о чем, во-первых, потому что терпеть не могли мачеху Рейн и старались убраться с ужином в свои спальни, а во-вторых, потому что это неинтересно. Отец не заставлял.

Зато теперь я ежевечерне была вынуждена часами слушать рассуждения на политические темы принца Филиппа или рассказы принцессы Анны об охоте. Рядом обычно на-

ходились придворные в весьма солидном возрасте, ни пошутить с которыми, ни просто поделиться своим собственным мнением я не могла. Все говорили о том, чего я просто не знала и в чем совершенно не разбиралась! Я не помнила все родословные, не могла рассуждать на тему очередных происков профсоюзов, не любила разговоров о политике или охоте, плохо разбиралась в достоинствах лошадей... И ни о чем говорить тоже просто не умела.

А еще важным оказался возраст королевской семьи и гостей, все они гораздо старше меня, с ними невозможно обсудить последний фильм или понравившуюся мне книгу, они таких просто не видели или не читали, они жили в своем особом мире (и до сих пор живут), где события и вкусы отстают на столетие, где темы разговоров не меняются от поколения к поколению, где немислимо проявлять свои чувства, зато приветствуется сдержанность. Даже если принцесса Анна ругалась, то делала это как-то по-королевски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.